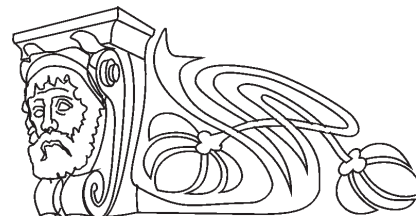

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 3 (39). С. 229–239
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2021, vol. 10, iss. 3 (39), pp. 229–239
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239>

Научная статья
УДК 316.6

Особенности интерпретативных репертуаров восприятия других людей в индивидуальных «образах мира»

В. Д. Альперович

Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Россия, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, д. 116, корп. 4
Альперович Валерия Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, alper@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>

Аннотация. В постмодернистском обществе одновременно поддерживаются различные социокультурные, ценностные, нормативные контексты существования личности и группы. Их рассогласованность отчасти обуславливает внутри- и межличностные конфликты и кризисы системы отношений. Поэтому в настоящее время проблема систематизации представлений субъекта о других людях и иных социальных явлениях остается в фокусе внимания исследователей. Она всегда актуальна для зарубежных и отечественных психологов, поскольку эти когнитивные образования влияют на поведенческие стратегии человека в повседневном общении с окружающими людьми. Цель нашего теоретического исследования заключалась в том, чтобы определить когнитивные структуры в интерпретативных репертуарах восприятия других людей. Предметом исследования выступили феномены «интерпретативный репертуар», «ментальные репрезентации», «социальные представления» и «фреймы», опосредствующие восприятие партнеров по общению как «своих» и «чужих». Сформулирована гипотеза исследования взаимосвязи социальных представлений, ментальных репрезентаций и фреймов как когнитивных образований, обуславливающих интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей и воплощаемых в нем. Применены такие методы, как теоретический социально-психологический анализ подходов к феноменам «интерпретативный репертуар», «ментальные репрезентации», «социальные представления» и «фреймы» в российской и зарубежной психологии, анализ результатов наших эмпирических исследований. Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые разработана теоретическая социально-психологическая модель когнитивных структур в интерпретативных репертуарах восприятия другого человека, в частности как «своего» и «чужого». Взаимосвязь интерпретативных репертуаров и социальных представлений, ментальных репрезентаций и фреймов в социальном познании раскрыта на примере эмпирических исследований представлений субъекта о «своих» и «чужих», «врагах» и «друзьях». Их результаты свидетельствуют о различиях интерпретативного репертуара описания другого человека в метафорическо-нарративной форме.

Ключевые слова: интерпретативные репертуары, «образ мира», метафоры, нарративы, ментальные репрезентации, социальные представления, фреймы

Для цитирования: Альперович В. Д. Особенности интерпретативных репертуаров восприятия других людей в индивидуальных «образах мира» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 3 (39). С. 229–239. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Characteristics of interpretative repertoires of perceiving other people in individual “images of the world”

V. D. Alperovich

Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University, 116 Dneprovskiy lane, 344065 Rostov-on-Don, Russia
Valeriya D. Alperovich, alper@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>

Abstract. Various sociocultural, value-related and normative contexts of individual and group existence are simultaneously supported by the postmodern society. Their mismatch is partly responsible for intra- and interpersonal conflicts and crises in the system of relations. Therefore, nowadays researchers stay focused on the problem of systematizing the subject's ideas about other people and other social phenomena. The problem is always relevant for international and Russian psychologists, since these cognitive formations affect the behavioral strategies of a person in everyday communication with people around him/her. The purpose of this theoretical study was to determine cognitive structures in interpretative repertoires of perceiving other people. The objects of the study were the phenomena of “interpretative repertoire”, “mental representations”, “social representations”, “frames”, mediating perception of communication partners as one's “own” people and “alien” people. We formulated the hypothesis of the study regarding the interconnections of social representations, mental representations and frames as cognitive formations, which determine the interpretative repertoires in perceiving one's “own” people and “alien” people, and those embodied in them. The following methods were applied: theoretical socio-psychological analysis of approaches to the phenomena of “interpretative repertoire”, “mental representations”,

“social representations” and “frames” in Russian and foreign psychology; analysis of the results of the empirical research. The scientific novelty of the study is that for the first time a theoretical socio-psychological model of cognitive structures was developed in the interpretative repertoires of perceiving another person, as one’s “own” person or an “alien” person. We disclosed the interconnections between interpretative repertoires and social representations, mental representations and frames in social cognition based on the example of empirical studies of the subject’s ideas about one’s “own” people and “alien” people, “enemies” and “friends”. Their results indicate differences in the interpretative repertoires of describing another person in a metaphorical-narrative form.

Keywords: interpretative repertoire, “image of the world”, metaphors, narratives, mental representations, social representations, frames

For citation: Alperovich V. D. Characteristics of interpretative repertoires of perceiving other people in individual “images of the world”. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 3 (39), pp. 229–239 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема систематизации представлений о других людях и иных социальных явлениях перманентно актуальна для ученых-гуманитариев, поскольку данные образования обуславливают взаимодействие человека с окружающими. В отечественной и зарубежной психологии для моделирования ментального пространства субъекта, определяющего его поведенческие стратегии, используются многие термины, в частности «образ мира», «ментальные репрезентации», «социальные представления», «интерпретативные репертуары» и т. д. В настоящее время, когда в постмодернистском обществе одновременно поддерживается различный социокультурный, ценностный, нормативный контекст существования личности и группы, внимание психологов привлекает так называемый интерпретативный репертуар их восприятия.

Представлена разработанная нами теоретическая социально-психологическая модель когнитивных структур в интерпретативном репертуаре восприятия другого человека, в частности как «своего» и «чужого». Проведено теоретическое исследование взаимосвязи феноменов «интерпретативный репертуар», «ментальные репрезентации» и «социальные представления». Его иллюстрируют результаты наших эмпирических исследований интерпретативного репертуара восприятия взрослой личностью других людей как «своих» и «чужих». Цель нашего теоретического исследования заключалась в определении когнитивных структур в интерпретативном репертуаре восприятия других людей. Предметом исследования выступили феномены «интерпретативный репертуар», «ментальные репрезентации», «социальные представления» и «фреймы», опосредствующие восприятие партнеров по общению как людей «своих» и «чужих». Сформулирована гипотеза исследования, посвященного взаимосвязи социальных представлений, ментальных репрезентаций и фреймов как когнитивных образований, обуславливающих интерпретативный репертуар восприятия «своих» и «чужих» и воплощаемых в них. Применены следующие методы: теоретический социально-психологический

анализ подходов к феноменам «интерпретативный репертуар», «ментальные репрезентации», «социальные представления» и «фреймы» в российской и зарубежной психологии; анализ результатов наших эмпирических исследований.

Феномен «интерпретативный репертуар» в социально-психологических исследованиях

Понятие «интерпретативный репертуар» Дж. Поттер и М. Уэзерелл впервые ввели в 1987 г. в русле критического дискурс-анализа для исследования динамичных процессов конструирования разных социальных феноменов, в том числе образов других людей, воспринимаемых субъектом, в его речевом поведении. По мнению авторов, интерпретативный репертуар – это «в основном набор или система терминов и метафор, предназначенных для характеристики и оценки действий и событий [basically a lexicon or register of terms and metaphors drawn upon to characterize and evaluate actions and events (пер. мой. – Авт.)]» [1, с. 138]. В повседневном общении с другими люди обращаются к различным интерпретативным репертуарам описания социальных явлений, подчас противоречивым, базирующимся как на научном и профессиональном знании, так и на недостаточно отрефлексированных социальных установках и верованиях.

В течение последних 30 лет вслед за Дж. Поттером и М. Уэзерелл в зарубежной психологии проводятся прикладные дискурс-аналитические исследования интерпретативного репертуара актуальных феноменов в разных социальных сферах. Так, М. Lee, Y. H. Ong and M. A. Martimianakis установили, что разнородный интерпретативный репертуар восприятия персоналом медицинских центров пациентов пожилого и старческого возраста, страдающих хроническими заболеваниями, с одной стороны, опирается на профессиональные знания и состоит из профессиональной терминологии, с другой стороны, воплощает социальные верования, ожидания и мнения [2]. J. Gillett and A. Ross показывают, как пожилые и старые люди, вынужденные принимать различное лечение, в интерпретативных репертуарах стараются осмыслить и интегрировать противоречивые

медицинские практики [3]. Рассматривается интерпретативный репертуар восприятия организационных процессов служащими разных предприятий. Например, S. Lemmetty and K. Collin проанализировали интерпретативный репертуар восприятия сотрудниками организаций в сфере информационно-коммуникационных технологий практики самостоятельного обучения на рабочем месте. С одной стороны, эта практика реализуется помимо основной деятельности, носит гибкий характер, обусловлена креативностью работника, а с другой стороны, в ней заключается сама работа [4]. Т. Huzzard выявил, что сотрудники организаций в сфере технологий мультимедиа воспринимают управленческие инновации с помощью шести интерпретативных репертуаров, основанных на «дорожных» метафорах «созидание», «вызов», «фокусирование», «продажи», «связи» и «путешествие» [5]. Внимание психологов также привлекают интерпретативные репертуары событий и ситуаций на жизненном пути личности. Так, P. Hernandez-Martinez, L. Black and J. Williams установили, что студенты-математики выражают свои надежды на будущее и ожидания от высшего образования в следующих интерпретативных репертуарах: «стать успешным», «личное удовлетворение», «развлекательный», «идеалистический» [6]. О. Jolanki, M. Jylha and A. Hervonen проанализировали амбивалентные интерпретативные репертуары людей в возрасте 90 лет и старше, описывающих собственную старость либо как необходимость (негативное определение старости, например ухудшение, разрушение), либо как выбор (более позитивное определение старости) [7]. Cl. Calquin Donoso, R. Guerra Arrau and K. Escobar Villalobos описывают интерпретативные репертуары восприятия семьями с маленькими детьми мероприятий государственной социальной политики: 1) приоритет социального, социальных отношений; 2) государство как олицетворение рационального начала и национальной санации; 3) государство как коуч; 4) приоритет материнства [8].

Российские психологи также изучают, как представлены в интерпретативных репертуарах различные социальные явления. Э. М. Ариф провела эмпирическое исследование интерпретативных репертуаров членов так называемых вег-сообществ (сыроедов, веганов и вегетарианцев) как дискурсивных практик. Автор выделила четыре культурных репертуара вег-питания: здоровый образ жизни (ЗОЖ), саморазвитие, религиозное развитие и забота о животных [9]. Данные репертуары представляют собой лингвистические формы, выражающие аргументы молодежи в пользу вег-питания. Репертуары включают разные лингвистические формы как речевые маркеры: эксплуатация животных / здоровье, чистка, лечение / сакральное знание, веды / эр-

гия, ступени, тренер. Э. М. Ариф придерживается утверждения о том, что культурные репертуары представлены в категориях дискурсов, функционирующих в обществе, но дополненных собственными интерпретациями и категориями, которые вырабатывают члены данного сообщества. Н. А. Кутковой, проанализировав интерпретативные репертуары конфликтных ситуаций, выделил: «диспозиционный» репертуар, описывающий личностные диспозиции, контакт с объектом и дистанцирование от него; «поведенческий» репертуар, описывающий поведение людей, также контакт с объектом и дистанцирование от него; «рационализирующий» репертуар, описывающий обстоятельства рационально; «фаталистический» репертуар, описывающий обстоятельства фаталистически; «инцидентный» репертуар, описывающий происходящее действие, способы действия, чувства, мысли и поведение субъекта; «нормативный» репертуар, описывающий соответствие ситуации социальным нормам, традициям и правилам; «мифологический» репертуар, когда ситуации противопоставляются групповым нормам и стереотипам; «активный» репертуар, описывающий создание субъектом социальных ситуаций [10].

Термин «интерпретативный репертуар», отражающий динамичность, дифференцированность восприятия человеком самого себя и окружающих людей, связанный с определенными речевыми практиками, носит отчасти междисциплинарный характер, находясь на «стыке» психологии и лингвистики. Реализуя оценочную и объяснительную функции, интерпретативные репертуары воплощают процессы и результаты познания, конструирования мира в сознании и общении субъекта с другими людьми. Следовательно, они обусловлены когнитивными структурами, которые остаются в фокусе внимания и психологов, и когнитивных лингвистов, в частности феноменами «концепт» и «категоризация». Так, с точки зрения Н. Н. Болдырева и В. М. Куракова, концепт можно рассматривать как способ репрезентации знаний, интерпретации, т. е. результат познавательной деятельности субъекта по отношению к внешнему миру и социальным ситуациям [11, 12]. Данная деятельность обеспечивается процессами систематизации концептов, их упорядочения, группировки по разным основаниям – категоризацией, обусловленной особенностями индивидуального и коллективного опыта. По мнению В. М. Куракова, репрезентация знаний о мире основана на процессах категоризации, а процессы концептуализации участвуют в формировании, конструировании знания. Как Н. Н. Болдырев, так и Н. Г. Янова и В. М. Климашин подчеркивают, что интерпретативные возможности концептуальной системы проявляются как в самих категориях, так и в их

ценностных характеристиках [11, 13]. Лингвистический подход к понятию «категоризация» предполагает динамичность этих процессов. Например, И. А. Семина раскрывает значение термина «ad hoc категоризация», означающего, что концептуальные категории как когнитивные структуры нестабильны, применяются субъектом в ходе конкретной деятельности, в данной ситуации общения, «online» [14].

Ментальные репрезентации, социальные представления и фреймы в образах партнеров по общению

Результатом процессов концептуализации и категоризации становятся ментальные репрезентации. Они также носят интерпретационный характер. А. П. Лобанов уточняет, что в когнитивной психологии ментальные репрезентации рассматриваются как когнитивные структуры, составляющие «картину мира» личности, ее представление о себе и других людях [15]. Н. Г. Янова отмечает, что в когнитивной лингвистике феномен «ментальная репрезентация» изучается в качестве концептуальной системы, которая отражается в языковой «картине мира» субъекта [13]. По мнению В. А. Степашкиной, в отечественной психологии ментальные репрезентации являются формой индивидуального опыта, определяющей способы восприятия человеком социальных и пространственно-временных объектов и процессов [16]. И. А. Кибальченко с коллегами, проведя анализ теоретических подходов к феномену «ментальные репрезентации» в зарубежной и отечественной психологии, пришли к выводу, что они рассматриваются как результат познавательных процессов, образы событий и явлений окружающего мира [17]. Так, Е. А. Сергиенко указывает, что ментальные репрезентации являются когнитивными схемами, способом познания [18], подчас интуитивного.

Российские психологи изучают ментальные репрезентации в качестве когнитивных образований, выражающих концептуальные структуры сознания, определяемых индивидуальным опытом человека, воплощающих его систему отношения к себе и другим людям и, в свою очередь, становящихся способом социального восприятия. Следовательно, они тесно связаны с феноменом «образ мира», интегрирующим представление субъекта о различных социальных, пространственно-временных объектах, других людях и самом себе. Например, эти взаимосвязи раскрываются в теоретическом исследовании В. А. Степашкиной. С точки зрения автора, ментальные репрезентации – составляющие «образа мира» субъекта – имеют интерпретативный потенциал и опосредуют взаимосвязь личностных смыслов и значения происходящего в мире [16].

Ментальные репрезентации образуют когнитивные системы, которые обозначаются понятием «социальные представления» в трактовке С. Московичи и его последователей, французских социальных психологов. Ю. В. Трофимова указывает, что ментальные репрезентации и социальные представления при осмыслении происходящего в мире опосредуют повседневное общение и взаимодействие субъектов [19].

Несмотря на теоретико-методологические и междисциплинарные различия подхода к феномену «ментальные репрезентации» и «социальные представления», исследователи, к работам которых мы обращаемся в данной статье, согласны с тем, что они выступают ресурсами оформления и осмысления индивидуального и коллективного опыта проживания социальных ситуаций и восприятия социальных объектов и других людей. Так, Ю. В. Трофимова подчеркивает, что ментальные репрезентации и социальные представления – это способы категоризации фрагментов окружающего мира, социальных явлений и ситуаций при отражении системы личностных смыслов и ценностей [19].

Ментальные репрезентации как осознанные и малоосознанные элементы «образа мира» личности отчасти воплощаются в когнитивных структурах, имеющих вербальные формы. Лингвисты обозначают их с помощью понятия «фрейм», введенного М. Минским. Психологи вместо него обычно используют термины «схема» («когнитивная схема») и «когнитивная карта». Е. Г. Беляевская указывает, что фрейм – это когнитивная структура, отражающая какие-либо знания человека [20], составляющие его «образ мира». В лингвистических исследованиях рассматриваются процессы формирования стереотипных образов различных социальных ситуаций и явлений посредством фреймов. Так, Л. П. Мурашова подчеркивает, что фрейм как сложный концепт накапливает сведения о «типичной» ситуации, может включать в себя множество схем [21]. Е. А. Буданова отмечает, что фреймы описывают отдельные ситуации общения, или «сцены», виды деятельности, пространственно-временные условия, изображения и феномены, связанные с данной конкретной тематикой [22]. Л. М. Генералова уточняет, что «сцены» учитывают характеристики социальных ситуаций и событий (особенности, функции в общении и взаимоотношения их участников). Автор в качестве примера приводит ситуацию экзамена [23]. По мнению Б. Е. Дарбанова, «сцены» вербализуются, воплощаются в субъективных образах культурно обусловленных поведенческих стратегий, ситуаций повседневного общения, в сенсорных образах, основанных на визуальных, аудиальных, ольфакторных, кинестетико-тактильных ощущениях [24]. Разновидностью фреймов являются скрип-

ты, включающие сценарии как ожидания относительно развития той или иной ситуации общения, ее временных эпизодов и этапов. Л. П. Мурашова отмечает, что скрипт учитывает определенный порядок действий, процедуру, связанную с данной социальной ситуацией [21]. С точки зрения Б. Е. Дарбанова и О. С. Полатовской, значение каждого акта, который включен в сценарий, обусловлено социокультурно [24, 25]. О. С. Полатовская указывает, что каждая ситуация репрезентирована системой фреймов-сценариев, которые отражают ее различные аспекты и представления людей о характеристиках объектов окружающего мира, взаимоотношениях в социуме [25]. С этим утверждением согласны А. И. Приходько и Н. Н. Цыцаркина, полагающие, что сценарные фреймы как когнитивные модели обуславливают выбор субъектом социальных ролей и поведенческих стратегий в повседневных ситуациях [26, 27]. В этой связи Е. А. Буданова подчеркивает, что в лингвистике фреймы рассматриваются как вербализованный способ представления знаний [22]. Автор акцентирует внимание на том, что фреймы являются внешним языковым выражением концептов, «ядро» которых составляют когнитивные модели в качестве обобщенных идей, передающих основные значимые признаки данного конкретного объекта или феномена. Так, с точки зрения А. И. Приходько, фреймы аккумулируют информацию и о возможных свойствах объекта, обозначенного «ключевым» понятием [26]. По мнению В. М. Куракова, фреймы выполняют функцию категоризации событий и феноменов в повседневном общении [12].

Фреймы, имея интерпретативный потенциал относительно социальных ситуаций, схематично отражают не только ментальные репрезентации, но и социальные представления. Так, эта взаимосвязь показана в исследованиях В. В. Дьяковой и Н. К. Радиной [28, 29]. Структура фрейма, как отмечает Л. П. Мурашова, включает слоты как вариативные компоненты, его уточняющие [21], пример – ситуация экзамена и формы его проведения. Слоты фрейма включают неустойчивые элементы данных конкретных повседневных ситуаций, например онлайн-занятия. Поэтому функционирование фреймов обеспечивается структурой социальных представлений, включающей стабильное «ядро» и нестабильную «периферию». Рассматривая структуру фрейма, Б. Е. Дарбанов акцентирует внимание на том, что скрипты интегрируют индивидуальный опыт взаимодействия с другими в стереотипных социальных ситуациях [24]. Н. К. Радина описывает восприятие субъектом данных повседневных ситуаций посредством фреймов в русле «социальной драматургии» И. Гофмана. По мнению автора, И. Гофман трактовал фреймы как интерпретативные схемы, или «рамки», организации

индивидуального опыта обыденного общения, влияющие на выбор адекватных поведенческих стратегий в той или иной социальной ситуации [29]. В этой связи, по мнению Н. К. Радиной, в социальной психологии анализ фреймов становится прикладным герменевтическим методом анализа социальных отношений, социального поведения [30].

В течение последних десятилетий в условиях макросоциальной трансформации в разных странах мира внимание зарубежных и отечественных психологов привлекает исследование социальных представлений о другом человеке в различных категориях, в частности как о мужчине / женщине, человеке агрессивном / счастливым / успешном, богатом / бедном, своем / чужом, враге / друге. Оппозиции свой / чужой, Мы / Они, друг / враг всегда опосредуют самоопределение субъекта, формирование и поддержание систем межличностных и межгрупповых отношений. Н. Г. Янова указывает, что категория свой/чужой относится к «главным концептам коллективного мироощущения» [31, с. 48]. Е. В. Рягузова подчеркивает, что свой / чужой как «ядерное» образование «картины мира» обуславливает особенности восприятия и оценки людьми друг друга [32]. Феномены, выступающие объектами ментальных репрезентаций и социальных представлений, обозначаются ключевыми понятиями, на которых базируются данные системы образов, например гостеприимство, прогресс, друг / враг и т. п. Н. К. Радина подчеркивает, что ключевые понятия социального представления отражаются в наборах и системах фреймов [29]. Фрейм «чужого человека» амбивалентен, потому что подразумевает как его «известные», так и «неизвестные» характеристики (в частности, образы «постороннего», «прохожего», «гостя» и т. п.). Е. В. Рягузова описывает ипостаси, в которых репрезентирован «чужой» человек – «Другой, Иной», «Незнакомец», «Враг», «Посторонний», – и негативные и / или амбивалентные эмоционально окрашенные характеристики, приписываемые «чужим» [33]. В этой связи в эмпирическом исследовании Р. М. Шамионова показано, что дифференциация предубеждений против «чужих» как членов других социальных групп, в том числе наделяемых статусом «опасных», обусловлена личными ценностями (например, гедонизмом, конформизмом, традиционностью) [34].

Особенности интерпретативных репертуаров восприятия «своих» и «чужих» людей

Дж. Поттер и М. Уэзерелл критиковали теорию социальных представлений С. Московичи, разработанную, по их мнению, в русле «спекулятивной» когнитивной психологии, в частности за недостаточно раскрытую роль языковых средств

в их функционировании. Авторы акцентировали внимание на том, что интерпретативные репертуары создаются посредством стилистических и грамматических конструкций, например профессиональных терминов, метафор [1]. С точки зрения Дж. Поттера и М. Уэзерелл, в повседневном общении их легче верифицировать, анализировать, чем социальные установки и верования, объединяющие членов разных групп. Тем не менее если придерживаться позиций когнитивной психологии, то, с нашей точки зрения, можно согласиться с тем, что социальные представления, имея нестабильную «периферическую» часть, могут воплощаться в разных речевых формах, в различных интерпретативных репертуарах, например «образа мира». Так, А. К. Ольшлегель подчеркивает, что различные повседневные интерпретации мира часто используются людьми неосознанно, будучи при этом содержательно противоречивыми, рассогласованными [35]. Автор на примере тувинцев Южной Сибири показывает, как субъекты в зависимости от ситуационного контекста могут варьировать противоречивые интерпретативные репертуары разных социальных феноменов и процессов, на которых базируются соответствующие стратегии поведения. Первая «модель мира» – «европейская» – основана на принципе доминирования человека над окружающей средой, а вторая – традиционная тувинская – на принципе взаимодействия человека с окружающим миром, естественными и сверхъестественными объектами и субъектами.

По мнению А. К. Ольшлегель, модели интерпретации мира включают когниции и соответствующие им поведенческие стратегии [35]. Автор уточняет, что эти интерпретативные модели основаны на наборах различных когнитивных схем, или «шаблонов», объясняющих социальные события и ситуации [35] и являющихся социальными конструктами. Таким образом, интерпретативные репертуары восприятия личностью и группой социальных объектов и процессов, например «своих» и «чужих» людей, отчасти воплощаются в разных вербализованных «клише», конструктах, стереотипах как фреймовых системах. Например, Э. М. Ариф сделала вывод, что посредством интерпретативных репертуаров вег-питания сыроеды, веганы и вегетарианцы обозначают групповые границы и отличают «других» и «чужих» (всеядных) от «своих» [9]. Следовательно, при описании «типичных» жизненных ситуаций личность и группа обращаются к фреймовым системам, составляющим интерпретативные репертуары и схематизирующим индивидуальный опыт. Однако, как отмечает Н. К. Радина [24] и Б. Е. Дарбанов [29], они не объясняют шутки, непривычные действия других людей, необычные ситуации и случайные

события. Прочие когнитивные элементы интерпретативных репертуаров, ментальные репрезентации, составляющие социальные представления, актуализируются, когда необходимо осмыслить «нетипичные» ситуации в повседневном общении. В этой связи Ю. В. Трофимова подчеркивает, что ментальные репрезентации как компоненты «картины мира» субъекта способствуют ее согласованности [19].

Итак, по мнению Дж. Поттера и М. Уэзерелл, интерпретативные репертуары включают метафоры. Интерпретативные модели мира также проявляются в форме идеализированных нарративов о нем, например рассмотренных в работе А. К. Ольшлегель [35]. Мы сделали вывод, что метафоры и нарративы в интерпретативных репертуарах становятся вербальными инструментами фиксации основных характеристик социальных объектов, «своей» и «чужой» групп, других людей, межличностных отношений, интеграции и организации опыта взаимодействия с партнерами по общению.

Мы понимаем интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей как свойства и оценки, приписываемые субъектом данным партнерам по общению и их взаимодействию, выраженные в содержательных особенностях биографических нарративов, связанные с характеристиками «врагов» и «друзей», интегрированные метафорами «своих» и «чужих» людей [36]. С нашей точки зрения, интерпретативные репертуары в качестве способа описания неопределенного индивидуального опыта в том числе осуществляют его «ad hoc категоризацию», структурируя и оформляя его в данной ситуации повседневного общения «online».

Мы проиллюстрируем теоретическую модель взаимосвязи интерпретативных репертуаров, фреймов, ментальных репрезентаций и социальных представлений на примере наших эмпирических исследований индивидуальных метафорических и нарративных образов «своих» и «чужих» людей, проведенных в 2017–2019 гг. Цель данных эмпирических исследований заключалась в проведении сравнительного анализа интерпретативных репертуаров восприятия другого человека как «своего» и «чужого» в метафорической и нарративной форме. Мы предположили, что разные интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей могут различаться содержанием нарративов о ситуациях взаимодействия субъекта с партнерами по общению и их метафорическими образами. Применены следующие методы: нарративный анализ ситуаций взаимодействия субъектов со «своими» и «чужими» людьми, анализ характеристик представлений, контент-анализ метафор, методы математической статистики (квартили,

кластерный анализ, регрессионный анализ, N-критерий Kruskal – Wallis). В первом исследовании применена авторская методика «Метафоры “своих” и “чужих” людей» (В. Д. Альперович, 2016) и модифицированная анкета Д. Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга» (Д. Н. Тулинова, 2005). Эмпирическим объектом исследования стали 123 человека на этапе ранней и средней взрослости в возрасте 20–35 лет (студенты Южного федерального университета и сотрудники различных предприятий г. Ростова-на-Дону). Во втором исследовании применена авторская методика «Метафоры “своих” и “чужих” людей» В. Д. Альперович, а также составление нарративов о ситуациях взаимодействия субъекта с разными партнерами по общению в его «образе мира». Эмпирическим объектом исследования выступили 140 респондентов в возрасте 25–35 лет (также служащие различных предприятий г. Ростова-на-Дону и студенты Южного федерального университета). Достоверность полученных результатов обеспечивалась применением методов математической статистики и стандартного программного пакета для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 20.0. Более подробно этапы эмпирических исследований и полученные нами данные описаны в нашей статье [36].

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы. В разных интерпретативных репертуарах восприятия «своих» и «чужих» людей их метафоры и содержательные особенности нарративов о ситуациях взаимодействия субъекта с ними вариативны. Рассмотрены интерпретативные репертуары, в которых атрибуция субъектом социально-психологических свойств этим партнерам по общению осуществляется стабильно, вне зависимости от контекста взаимодействия с ними. В терминологии фреймовых концепций в этих интерпретативных репертуарах фрейм «чуждости» подразумевает «неизвестные» характеристики «чужого» человека: «свои» по большей части противопоставлены «чужим», и системы отношений с ними различаются. Проанализированы интерпретативные репертуары, в которых характеристики «своих» и «чужих» людей в восприятии субъекта вариативны, обусловлены социально-психологическим контекстом. В этих интерпретативных репертуарах фрейм «чуждости» подразумевает «известные» характеристики «чужого» человека: «свои» партнеры по общению не противопоставляются «чужим», а наоборот, в определенных условиях могут в них превратиться, поэтому отношения субъекта со «своими» и «чужими» людьми амбивалентны. «Скрипты» данных фреймов, представленные участниками наших исследований в нарративной форме, отражают ожидания респондентов относительно со-

циальных ситуаций в деловом и межличностном общении, в которых «чужие» люди обнаружат качества и поведение, оцениваемые как негативные, а «свои» люди – качества и поведение, оцениваемые как позитивные. Свойства «своих» и «чужих» людей, в частности как «врагов» и «друзей», описываются респондентами с помощью разного вида метафор: антропоморфных («семья»), абстрактных («добро»), артефактных («спасательный круг»), метафор прецедентных имен (Иван-царевич / Василиса Прекрасная / Соловей-разбойник), зооморфных («верный пес», «хитрый лис»), природоморфных («солнечные лучи», «грозовые тучи»), «магических» («добрый волшебник») метафор и т. д. «Слоты» этих фреймов составляют, во-первых, нестабильные характеристики данных ситуаций, обусловленные особенностями конкретного социального и пространственно-временного контекста (выполнение срочного коллективного проекта на работе, учебная сессия, конфликт с соседями по дому и т. д.), во-вторых, неоднозначное содержание любых действий партнеров по общению (например, материальная помощь / угроза / подсказка на экзамене / эмоциональная поддержка и т. п.).

Авторы рассмотренных нами работ, посвященных исследованию представлений о других людях, согласны с тем, что «свой / чужой», «Враг / Друг» являются базовыми социокультурными конструктами. В этой связи их образы в сознании личности и группы наделяются универсальными характеристиками – например, «враги» агрессивны, лживы, обманывают, предают, наносят ущерб, а «друзья» отличаются честностью, верностью, добротой, оказывают помощь в трудной жизненной ситуации. Стабильные характеристики включены в «ядерные» компоненты социальных представлений, на которых основаны фреймы как «рамки» восприятия других людей в интерпретативных репертуарах. Участники наших эмпирических исследований приписывают партнерам по общению в этих категориях аналогичные социально-психологические свойства, выраженные в метафорической форме.

Системы ментальных репрезентаций, составляющих социальные представления, воплощаются в образах «своих» и «чужих» людей, «врагов» и «друзей». Их различия в сознании данной конкретной личности или группы обусловлены нестабильными «периферическими» компонентами представлений. Так, «чужими» могут стать незнакомые люди или родственники, соседи и коллеги по работе, если с ними сложились конфликтные отношения, нет общих интересов и ценностей. Субъектам в статусе «чужих» людей приписываются негативные и / или амбивалентные качества, и впоследствии они могут превратиться либо во «врагов», либо в «друзей». «Своими» становятся

знакомые, родственники, соседи и коллеги по работе, если с ними есть взаимопонимание, взаимопомощь, общие интересы, ценности. «Своим» людям в основном приписываются позитивные качества, и впоследствии они могут превратиться в «друзей». Вариативность образов «Враг / Друг» определяется значимостью их отдельных аспектов. Их основные характеристики имеют разную важность для разных участников исследования: «враги» могут быть «агрессорами», «идейными противниками», «предателями», «манипуляторами», а «друзья» – субъектами совместной деятельности, «помощниками», «единомышленниками», «верными людьми», субъектами эмоциональной поддержки.

Заключение

Научная новизна проведенного нами теоретического исследования состоит в том, что впервые разработана теоретическая социально-психологическая модель когнитивных структур в интерпретативных репертуарах восприятия другого человека, в частности как «своего» и «чужого». Взаимосвязь интерпретативных репертуаров и социальных представлений, ментальных репрезентаций и фреймовых структур в социальном познании уточнена и дополнена, раскрыта на примере эмпирических исследований представления субъекта о «своих» и «чужих» людях, «врагах» и «друзьях».

Результаты проведенных нами эмпирических исследований в целом свидетельствуют о различиях интерпретативных репертуаров описания другого человека в метафорическо-нарративной форме. Они могут применяться в индивидуальном консультировании при разработке программ коррекции отношения субъекта к другим людям, тренингов управления конфликтами.

Библиографический список

1. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology: beyond Attitudes and Behaviour. London : Newbury Park ; Beverly Hills ; New Delhi : SAGE Publ., 1987. 216 p.
2. *Lee M., Ong Y. H., Martimianakis M. A.* Understanding decision-making in interprofessional team meetings through interpretative repertoires and discursive devices // *Journal of Interprofessional Care.* 2020. Vol. 35, iss. 2. P. 164–174. DOI: 10.1080/13561820.2020.1732889
3. *Gillett J., Ross A.* Confronting Medicine's Dichotomies: Older Adults' Use of Interpretative Repertoires in Negotiating the Paradoxes of Polypharmacy and Deprescribing // *Qualitative Health Research.* 2020. Vol. 30, iss. 3. P. 448–457. DOI: 10.1177/1049732319868981
4. *Lemmetty S., Collin K.* Self-Directed Learning as a Practice of Workplace Learning: Interpretative Repertoires of Self-Directed Learning in ICT Work // *Vocations and Learning.* 2020. Vol. 13, iss. 1. P. 47–70. DOI: 10.1007/s12186-019-09228-x
5. *Huzzard T.* Opening Up and Closing Down : The Interpretative Repertoires of Leading Innovation // *International Journal of Innovation Management.* 2015. Vol. 19, iss. 1. P. 1–24. DOI: 10.1142/S1363919615500152
6. *Hernandez-Martinez P., Black L., Williams J., Davis P., Pampaka M., Wake G.* Mathematics students' aspirations for higher education: class, ethnicity, gender and interpretative repertoire styles // *Research papers in education.* 2008. Vol. 23, iss. 2. P. 153–165. DOI: 10.1080/02671520802048687
7. *Jolanki O., Jylhä M., Hervonen A.* Old age as a choice and as a necessity: two interpretative repertoires // *Journal of Aging Studies.* 2000. Vol. 14, iss. 4. P. 359–372. DOI: 10.1016/S0890-4065(00)80002-x
8. *Calquin Donoso Cl., Guerra Arrau R., Escobar Villalobos K.* Interpretative Repertoires About an Intervention Manual in Early Childhood // *Política y Sociedad.* 2020. Vol. 57, núm. 1. P. 197–215. DOI: 10.5209/poso.60255
9. *Ариф Э. М.* Культурные репертуары питания в молодежном вег-сообществе (кейс Санкт-Петербурга) // *Социологические исследования (Социс).* 2019. № 10. С. 119–126. DOI: 10.31857/S013216250007096-8
10. *Кутковой Н. А.* Социально-психологические особенности эмоции удивления : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 24 с.
11. *Болдырев Н. Н.* Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение.* 2014. № 6 (335), вып. 88. С. 118–122.
12. *Кураков В. И.* От категоризации и концептуализации мира к языковому сознанию // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание.* 2006. № 5. С. 126–131.
13. *Янова Н. Г., Климашин В. М.* Ментальные модели репрезентации риска и безопасности в массовом сознании // *Известия Алтайского государственного университета.* 2010. № 2-2 (66). С. 52–60.
14. *Семина И. А.* Новый подход к изучению концептуальных категорий: ad hoc категоризация // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2017. Вып. 2 (769). С. 59–65.
15. *Лобанов А. П.* Ментальные репрезентации как носители индивидуального интеллекта // *Практична психология та соціальна робота.* 2011. № 12 (153). С. 39–42.
16. *Степашкина В. А.* Соотношение концептов «ментальная репрезентация» и «образ мира» в психологии // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2016. Вып. 12. С. 86–88.
17. *Кибальченко И. А., Астахова А. А., Зурначян Г. М.* Изучение ментальных репрезентаций учебных текстов (задач) подростков с разной организацией

- учебно-познавательного опыта // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 7. С. 61–67.
18. Сергиенко Е. А. Модель психического как новая исследовательская парадигма когнитивной психологии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, кн. 4. С. 265–279.
 19. Трофимова Ю. В. Соотношение понятий «ментальные репрезентации» и «социальные представления» как методологическое основание изучения этнической идентичности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 7. С. 169–173.
 20. Беляевская Е. Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. 2015. Вып. 22 (733). С. 9–20.
 21. Мурашова Л. П. Концептуально-когнитивный фрейм // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. № 4. С. 40–44.
 22. Буданова Е. А. Фрейм как основа и результат процесса категоризации // Язык. Культура. Образование: сб. науч. тр. междунар. конф. «Чтения Ушинского» / под науч. ред. О. С. Егорова. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2017. С. 3–10.
 23. Генералова Л. М. Роль категоризации в познавательной деятельности человека // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-1. С. 98–102.
 24. Дарбанов Б. Е. Теория схемы, фрейм, скрипт, сценарий как модели понимания текста // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6-2. С. 75–78.
 25. Полатовская О. С. Фрейм-сценарий как тип концептов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 161–166.
 26. Приходько А. И. Фрейм как тип лексического концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 110–113.
 27. Цыцаркина Н. Н. Фреймы социальных ситуаций // Фразеологические чтения памяти проф. Валентины Андреевны Лебединской: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н. Б. Усачева. Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2006. С. 241–245.
 28. Дьякова В. В. Структура фрейма социальных представлений // Современное научное знание: теория, методология, практика: сб. науч. тр. по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Смоленск, 31 января 2017 г.). Смоленск : Новаленсо, 2019. С. 37–39.
 29. Радина Н. К. Прикладная герменевтика социального пространства: фрейм, идентичность, автобиография // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 4 (36). С. 126–139.
 30. Радина Н. К. Использование фрейм-структур для изучения социальных представлений в массмедийном дискурсе (на примере социального представления «семья») // Пензенский психологический вестник. 2016. № 2 (7). С. 34–59. DOI: 10.17689/psy-2016.2.4
 31. Янова Н. Г. Ментальная репрезентация этнонимов гражданской и этнической идентичности // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1 (82). С. 48–54. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.1-08
 32. Рягузова Е. В. Трансформация картины мира и способов категоризации Другого у современного ребенка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акрмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 3. С. 228–237. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237
 33. Рягузова Е. В. Репутация чужака как вид контекстной репутации личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 48–53. DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-2-48-53
 34. Шамионов П. М. Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 3. С. 309–326. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326
 35. Ольшлегель А. К. Множественные интерпретации мира. Пример тувинцев Южной Сибири / пер. с нем. М. Петровой // Этнографическое обозрение. 2014. Вып. 5. С. 88–103.
 36. Альперович В. Д. Интерпретативные репертуары восприятия «своего» и «чужого» человека в метафорах разных видов и нарративах взрослой личности // Психолог. 2017. № 2. С. 30–46. DOI: 10.7256/2409-8701.2017.2.22123

References

1. Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology: beyond Attitudes and Behaviour*. London, Newbury Park, Beverly Hills, New Delhi, SAGE Publ., 1987. 216 p.
2. Lee M., Ong Y. H., Martimianakis M. A. Understanding decision-making in interprofessional team meetings through interpretative repertoires and discursive devices. *Journal of Interprofessional Care*, 2020, vol. 35, iss. 2, pp. 164–174. DOI: 10.1080/13561820.2020.1732889
3. Gillett J., Ross A. Confronting Medicine's Dichotomies: Older Adults' Use of Interpretative Repertoires in Negotiating the Paradoxes of Polypharmacy and Deprescribing. *Qualitative Health Research*, 2020, vol. 30, iss. 3, pp. 448–457. DOI: 10.1177/1049732319868981
4. Lemmetty S., Collin K. Self-Directed Learning as a Practice of Workplace Learning: Interpretative Repertoires of Self-Directed Learning in ICT Work. *Vocations and Learning*, 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 47–70. DOI: 10.1007/s12186-019-09228-x
5. Huzzard T. Opening Up and Closing Down: The Interpretative Repertoires of Leading Innovation. *International Journal of Innovation Management*, 2015, vol. 19, iss. 1, pp. 1–24. DOI: 10.1142/s1363919615500152

6. Hernandez-Martinez P., Black L., Williams J., Davis P., Pampaka M., Wake G. Mathematics students' aspirations for higher education: class, ethnicity, gender and interpretative repertoire styles. *Research Papers in Education*, 2008, vol. 23, iss. 2, pp. 153–165. DOI: 10.1080/02671520802048687
7. Jolanki O., Jylhä M., Hervonen A. Old age as a choice and as a necessity: two interpretative repertoires. *Journal of aging studies*, 2000, vol. 14, iss. 4, pp. 359–372. DOI: 10.1016/s0890-4065(00)80002-x
8. Calquin Donoso Cl., Guerra Arrau R., Escobar Villalobos K. Interpretative Repertoires About an Intervention Manual in Early Childhood. *Política y Sociedad*, 2020, vol. 57, núm. 1, pp. 197–215. DOI: 10.5209/poso.60255
9. Arif E. M. Cultural Repertoires of Consumption in Youth Veg-Community (a St. Petersburg Case). *Sociological Studies (Socis)*, 2019, no. 10, pp. 119–126 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250007096-8
10. Kutkovoy N. A. Socio-psychological characteristics of the surprise emotion. Thesis Diss. Cand. (Psychol.). Moscow, 2016. 24 p. (in Russian).
11. Boldyrev N. N. The Role of the Cognitive Context in World and World Knowledge Interpretation. *Bulletin of Chelyabinsk state university. Philology. Art history*, 2014, no. 6 (335), iss. 88, pp.118–122 (in Russian).
12. Kurakov V. I. From Categorization and Conceptualization of the World to Linguistic Consciousness. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 2006, no. 5, pp. 126–131 (in Russian).
13. Yanova N. G., Klimashin V. M. Mental Models in Ideas of Risk and Security in the Mass Consciousness. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2010, no. 2-2 (66), pp. 52–60 (in Russian).
14. Syomina I. A. New Approach to the Study of Conceptual Categories: *ad hoc* Categorization. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian science*, 2017, iss. 2 (769), pp. 59–65 (in Russian).
15. Lobanov A. P. Mental Representations as Carriers of Individual Intelligence. *Praktychna psykholohiya ta sotsial'na robota* [Practical psychology and social work], 2011, no. 12 (153), pp. 39–42 (in Russian).
16. Stepashkina V. A. Correlation of Concepts “Mental Representation” and “Image of the World” in Psychology. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2016, iss. 12, pp. 86–88 (in Russian).
17. Kibalchenko I. A., Astakhova A. A., Zurnachyan G. M. Studying Mental Representations of Educational Texts (Problems) of Teenagers with Different Organization of Learning-Cognitive Experience. *Proceedings of South Federal University. Pedagogical sciences*, 2013, no. 7, pp. 61–67 (in Russian).
18. Sergienko E. A. Theory of Mind as the New Research Paradigm in Cognitive Psychology. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2015, vol. 157, no. 4, pp. 265–279 (in Russian).
19. Trofimova Yu. V. Correlation of the concepts of «mental representations» and «social representations» as a methodological basis for the research of ethnic identity. In: O. N. Kolesnikova, E. A. Popova, eds. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2015, iss. 7, pp. 169–173 (in Russian).
20. Beliaevskaya E. G. Frame, Concept, Conceptual Metaphor – Synonyms? (on the correlation of research methods in cognitive linguistics). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and literary studies*, 2015, iss. 22 (733), pp. 9–20 (in Russian).
21. Murashova L. P. Conceptual-cognitive frame. *Scientific Bulletin of Uzhny Institute of Management*, 2014, no. 4, pp. 40–44 (in Russian).
22. Budanova E. A. Frame as the Basis and the Result of the Categorization Process. In: O. S. Egorov, ed. *Yazyk. Kul'tura. Obrazovaniye: sb. nauch. tr. mezhdunar. konf. «Cheniya Ushinskogo»* [Language. Culture. Education. Proceedings of the International Conference «Ushinsky Readings»]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 2017, pp. 3–10 (in Russian).
23. Generalova L. M. The Role of Categorization in the Human Cognitive Activity. *Sistema tsennostey sovremennoy obshchestva* [The Value System of Modern Society], 2009, no. 5-1, pp. 98–102 (in Russian).
24. Darbanov B. E. Scheme Theory, Frame, Script, Scenario as Models of Text Comprehension. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of Humanities and Natural Sciences], 2017, no. 6-2, pp. 75–78 (in Russian).
25. Polatovskaya O. S. Scene-Frame as a Concept Type. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], 2013, no. 4 (25), pp. 161–166 (in Russian).
26. Prikhodko A. I. Frame as a Type of Lexical Concept. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2014, no. 16, pp.110–113 (in Russian).
27. Tsytsarkina N. N. Frames of Social Situations. In: N. B. Usacheova, executive ed. *Frazeologicheskiye chteniya pamyati prof. Valentiny Andreyevny Lebedinskoy: materialy Vseros. nauch. konf.* [Phraseological Readings in memory of prof. V. A. Lebedinskaya. Proceedings of the All-Russian scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2006, pp. 241–245 (in Russian).
28. D'yakova V. V. Social View Frame Structure. *Sovremennoye nauchnoye znaniye: teoriya, metodologiya, praktika: sb. nauch. tr. po materialam XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Smolensk, 31 yanvarya 2017 g.)* [Modern Scientific Knowledge: Theory, Methodology, Practice. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference]. Smolensk, Novalenso Publ., 2019, pp. 37–39 (in Russian).
29. Radina N. K. Appropriate Hermeneutics of the Social Space: Frame, Identity, Autobiography. *Innovation in Psychological and Pedagogical Studies*, 2014, no. 4 (36), pp. 126–139 (in Russian).
30. Radina N. K. Frame-structures and the study of social representations in the discourse of the mass media (at the example of social representations about family). *Penza Psychological Newsletter*, 2016, no. 2 (7), pp. 34–59 (in Russian). DOI: 10.17689/psy-2016.2.4

31. Janova N. G. Mental Representation of the Ethnonyms for Civil and Ethnic Identity. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2014, no. 2-1 (82), pp. 48–54 (in Russian). DOI 10.14258/izvasu(2014)2.1-08
32. Ryaguzova E. V. Transformation of Worldview and Ways of Categorization the Other in Modern Children. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 3, pp. 228–237 (in Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237
33. Ryaguzova E. V. Reputation of the Stranger as a Kind of Contextual Personal Reputation. *Izv. Saratov Univ. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 48–53 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-2-48-53
34. Shamionov R. M. Individual Values and Ideological Attitudes as Predictors of Prejudice against Others. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 309–326 (in Russian). DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326
35. Oelschlägel A. C. Plural World Interpretations: The Case of the Tyvans of South Siberia. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, iss. 5, pp. 88–103 (in Russian; trans. from German.).
36. Alperovich V. D. Interpretative Repertoires of Perception of «Friends» and «Aliens» in Metaphors of Different Types and Narratives of Adult Persons. *Psychologist*, 2017, no. 2, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.7256/2409-8701.2017.2.22123

Поступила в редакцию 25.03.2021, после рецензирования 12.05.2021, принята к публикации 16.06.2021
Received 25.03.2021, revised 12.05.2021, accepted 16.06.2021